Ворота в море

Ной Каллен

Ной Каллен

Ворота в море

«Автор»
2026

Каллен Н.

Ворота в море / Н. Каллен — «Автор», 2026

Королевский дознаватель Маттиас Крейн подозревает всех. Особенно меня.Я — Изольда Вейн, маг Стены, и я единственная, кто может доказать, что заговор против Солёного Предела ведёт к человеку, которого я двадцать лет называла учителем. Теперь мы с Крейном оба в розыске, прячемся в заброшенном маяке, и у нас одна кровать на двоих.Через месяц Великий прилив. Стена либо рухнет, либо откроется. И для этого нам придётся сделать то, что маги не делают никогда: довериться тому, кто видит тебя насквозь.— От соперников к влюблённым— Вынужденная близость в бегах— Предательство наставника— Финал серии: все пары, все тайны раскрыты

© Каллен Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Архив 6
Глава 2. Подозреваемая 11
Глава 3. Подстава 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Ной Каллен
Ворота в море

Ной Каллен
Ворота в море
Солёный Предел. Книга 3
© Ной Каллен, 2026. Все права защищены.

Глава 1. Архив

Пыль в архиве канцлера пахла клеем и сухими мышами. Изольда Вейн знала этот запах с одиннадцати лет, когда впервые спустилась сюда за руку с лордом Эшгроувом и чихнула так, что погас огонёк в его фонаре. Он тогда рассмеялся и сказал, что настоящий учёный чихает только на неправильные книги.

Теперь она спускалась одна, без разрешения, в третьем часу ночи, и старалась не дышать носом.

Свой ключ, тот, что был у неё с шестнадцати лет, она весной вернула канцлеру: он попросил мягко, между делом, и она не нашлась, что возразить. Этот ключ от нижней двери она сделала сама, без спроса. Это было несложно: восковой оттиск, два вечера над напильником, немного ругани, которой её научила Тамсин. Сложно было другое. Каждый раз, поворачивая ключ, Изольда ощущала себя так, будто лезет в карман к собственному отцу.

Отцу она в карманы никогда не лазила. Отец умер, когда ей было двенадцать, и карманов после него осталось немного.

Фонарь она поставила на пол, прикрыв створку, чтобы свет падал узкой полосой. Стеллажи уходили в темноту рядами, как рёбра кита. Здесь, в подвале канцелярии на Ратушной горе, лежали протоколы советов за двести лет, сметы на ремонт Стены, договоры с гильдиями, письма королей, которых никто уже не помнил. И где-то здесь, в одной из этих коробок, лежало то, что полгода назад она увидела краем глаза: лист с половиной оттиска. Цапля на одной ноге. Половина клюва, половина крыла, тонкая лапа.

В ту ночь за её спиной стоял Маттиас Крейн, и она сама положила перед ним этот лист, уголком к уголку. Потом она полгода убеждала себя, что это Марш. Печать могла попасть в архив с чужим письмом. С письмом Квилла, например. С бумагами Годфри Марша, секретаря герцога, который двадцать лет служил здесь писарем, которого весной все так охотно подозревали, взяли у северных ворот и потом тихо отпустили за недостатком улик.

Убеждать себя у неё получалось плохо. Она всегда была слишком хорошим учёным.

Коробка стояла на прежнем месте, на третьей полке седьмого стеллажа, с ярлыком «Стена. Опись камня. 1170–1190». Изольда стянула левую перчатку зубами, потому что в перчатках не чувствовала бумагу, и подняла крышку.

Листа с цаплей там не было.

Она перебрала всё дважды. Сметы на известь. Накладные на солекамень. Чей-то рисунок фонаря с пометкой «уродство, переделать». Листа не было, и это было хуже, чем если бы он нашёлся. Найденный лист можно объяснить. Пропавший объясняется только тем, что кто-то знал, что его видели.

Изольда села на пол, прямо на холодный камень, и некоторое время просто смотрела на коробку.

Потом она сделала то, чему её учил Эшгроув: перестала искать то, что хотела найти, и начала смотреть на то, что есть.

На дне коробки лежала папка без ярлыка, перевязанная бечёвкой. Бечёвка была новая, белая, не успевшая посереть. На папке тонким, наклонным почерком, который Изольда узнала бы среди тысячи, было написано одно слово: «Ворота».

Она развязала узел.

Внутри были расчёты. Нагрузка на Стену при подъёме воды на полторы, две, две с половиной сажени выше обычного. Таблица слабых участков. Схема распределения давления вдоль всего берега, от Северного клыка до Вдовьего выступа. И в самом конце, отдельно, обведённая дважды: «Великий прилив. Ночь осеннего равноденствия, 1203».

Изольда перечитала строку три раза, потому что она была неправильной.

Великий прилив приходит раз в тридцать лет. Это знали все в Пределе, и она знала лучше всех, она сама весной говорила брату, что следующий не скоро. Восемь лет, если точно. Осень 1211 года. Так стояло в таблицах приливов Магистерия, по которым она училась, по которым вела расчёты для Олдрика и которые сама переписывала набело каждую зиму. Таблицы ей дал Эшгроув, когда ей было шестнадцать. Его собственная копия, сказал он, выверенная лучше казённой.

Она вытащила из папки лист с лунным циклом и положила рядом свой, по памяти. Сверила. На втором листе, в столбце поправок на долгий цикл, стояла одна цифра. В её таблицах той же цифры не было. Кто-то когда-то аккуратно убрал из её копии одну строку, и вся большая вода уехала на восемь лет вперёд.

Не восемь лет. Месяц.

Изольда сидела над двумя листами и не могла заставить себя поднять голову. Можно ошибиться в расчёте. Можно перепутать копии. Нельзя тринадцать лет учить человека по таблицам с вынутой строкой и не знать об этом.

Изольда перевернула последний лист, и пальцы у неё стали чужими.

Это были её собственные вычисления. Ей было девятнадцать, она решала эту задачу целую зиму, «задачу о большой воде», как называл её наставник. Он говорил, что это упражнение. Что ни один маг Стены не должен бояться чисел. Она помнила, как плакала над четвёртым листом, потому что не сходилась сумма, и как он принёс ей горячего чаю, чёрного, без сахара, и сказал: «Вот видишь, ты уже пьёшь его, как взрослая».

На полях её аккуратных колонок стояли пометки его рукой. Не исправления. Вопросы. «Если погасить здесь?» «А если здесь и здесь одновременно?» И внизу, мелко, почти неразборчиво: «Четыре замка. Проверить по старому своду».

Изольда не знала никаких замков. Она знала Стену так, как другие знают молитвы, и в Стене не было замков. В ней были фонари, обереги, солекамень и триста лет страха.

— Полагаю, это не ваша полка, леди Вейн.

Голос раздался из темноты между седьмым и восьмым стеллажами, ровный и вежливый, как у приказчика, который сообщает, что кредит закрыт. Следом раздался хруст.

Изольда не вскрикнула. Она гордилась этим потом, когда вспоминала ту ночь. Она медленно закрыла папку, медленно натянула перчатку и только после этого подняла фонарь.

Маттиас Крейн сидел на табурете для писарей, вытянув длинные ноги в пыльных сапогах, и ел яблоко. Серый плащ лежал у него на коленях, сложенный аккуратно, как салфетка.

— Давно вы здесь сидите? — спросила она.

— С полуночи. Табурет отвратительный. — Он откусил ещё. — Вы пришли в два часа сорок минут, повернули ключ два раза, хотя замок открывается с одного, и сказали слово, которое я не ожидал услышать от женщины с вашим образованием.

— Это технический термин. Стекольщики так называют лопнувшую баночку расплава.

— Стекольщики так называют много вещей. — Маттиас посмотрел на неё поверх яблока. — Что в папке?

— Расчёты нагрузки.

— Чьи?

Изольда помолчала ровно столько, сколько требовалось, чтобы он заметил это молчание. Она поняла свою ошибку в тот же миг и разозлилась на себя.

— Мои, — сказала она. — Я решала эту задачу десять лет назад, как ученица.

— Как удобно. — Он встал, отряхнул плащ, положил огрызок на край полки, будто собирался вернуться за ним. — Знаете, что я делал последние полгода, леди Вейн? Я ходил за цаплей. Квилл молчит. Наёмники со свадьбы вашего брата молчат, потому что двое из них мертвы, а третий выучил только слово «адвокат». Деньги, которыми платили за яд на помолвке вашей подруги, прошли через три банка и вернулись в Хольм. Знаете, куда?

— Вы мне скажете.

— На закупки пепла оберегов для Магистерия Стены. Подписи под заявками принадлежат магам. Старшим магам. Их в Хольме пятеро. — Он загибал пальцы. — Двое старше семидесяти и путают дни недели. Один полгода в отъезде. Один — канцлер Эшгроув, у которого в руках вся казна Предела и которому незачем воровать у самого себя. И одна — вы.

— Вы забыли сказать, что я женщина, а женщины коварны.

— Я не забыл. Я не считаю это доводом. Вы коварны совершенно независимо от пола.

Изольда поставила фонарь на полку. Свет лёг на его лицо снизу, и оно стало старше, суше, с глубокими тенями под скулами. Маттиасу было тридцать четыре, но в архивной темноте он выглядел как гравюра из учебника по праву, раздел «Наказания».

— Если бы я была цаплей, господин Крейн, — сказала она, — я бы не стала лезть в архив ночью с самодельным ключом. Я бы попросила канцлера вернуть мне ключ. Он вернул бы.

— Вот это и интересно. — Маттиас подошёл ближе. Он двигался тихо, для такого высокого человека даже неприлично тихо. — Почему вы его не попросили?

Она не ответила.

Он стоял теперь в шаге от неё, и от него пахло яблоком, мокрой шерстью и дешёвым мылом, тем, что продают в портовых лавках брусками, завёрнутыми в газету. Изольда отметила это машинально, как отметила бы трещину в стекле.

— Вы его подозреваете, — сказал Маттиас. Не вопрос.

— Я ничего подобного не говорила.

— Вы ничего не говорили. Это и есть ответ. — Он протянул руку. — Папку, пожалуйста.

— У вас нет права.

— У меня есть королевская грамота, подписанная его величеством, и очень плохое настроение. Но вы правы: права нет. Я прошу.

Изольда прижала папку к груди. Под перчаткой, между пальцами, у неё был зажат последний лист, тот, с пометкой про четыре замка. Она вытащила его, когда закрывала папку, и сама не была уверена, почему. Рука сделала это раньше, чем голова успела возразить.

— Вы ведь видели этот лист полгода назад, — сказала она. — Здесь же. И ничего не сделали.

— Весной вы сказали, что это Марш, и я сделал вид, что поверил. — Маттиас чуть наклонил голову. — Я ждал, что вы сделаете. Вы полгода ничего не делали, а потом вдруг полезли в подвал. Значит, что-то случилось. Что?

Изольда подумала о прошлой неделе. О том, как Эшгроув за обедом в Соляной башне спросил у Олдрика, сколько фонарей на Вдовьем выступе заменили после весенних штормов. Спросил легко, между супом и рыбой, а Олдрик так же легко ответил. И как Изольда в этот момент смотрела на руку наставника на скатерти и думала, почему у него на манжете пятно сургуча того тёмно-красного цвета, с киноварью, каким не пользуется ни одна контора в Хольме.

Это было глупо. Пятно сургуча. На таком не строят обвинений.

— Ничего не случилось, — сказала она. — Я учёный. Я проверяю.

— А я дознаватель. Я тоже проверяю. Только меня потом не хвалят за усердие.

— Вас вообще кто-нибудь когда-нибудь хвалил?

— Мать, — сказал он без паузы. — За то, что я хорошо выжимал простыни.

Изольда не поняла, шутит он или нет. По его лицу понять было невозможно. Она уже открыла рот, чтобы ответить чем-нибудь достаточно ледяным, когда наверху лестницы скрипнула дверь и по ступеням пополз тёплый жёлтый свет.

— Изольда?

Она узнала этот голос раньше, чем увидела лицо. Мягкий, чуть охрипший к ночи, тот самый, которым читали ей вслух «Свод о солекамне», когда она болела корью.

Лорд Северин Эшгроув спускался медленно, держась за перила. Ему было около шестидесяти, и последние два года колено напоминало ему об этом на каждой лестнице. Поверх ночной рубашки он накинул тёмный бархатный халат, на ногах были домашние туфли с вышитыми якорями, подарок Изольды на прошлую Ночь фонарей. В руке он держал свечу в медном подсвечнике.

— Девочка моя, — сказал он, увидев её, и улыбнулся так, что у глаз собрались морщины. — Ну конечно. Кто ещё будет сидеть в архиве в такой час? А шаль где? Опять без шали. Здесь же холодно, как в склепе.

Потом он увидел Маттиаса и улыбнулся ещё шире.

— И господин Крейн. Какая неожиданность. Вы тоже без шали.

— Лорд-канцлер. — Маттиас поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на волос ниже. — Прошу прощения за поздний визит. Я проверял опись по делу Квилла и, видимо, засиделся.

— В темноте?

— Экономлю свечи. Казна Предела, говорят, не бездонна.

Эшгроув тихо рассмеялся. Он подошёл к Изольде и, прежде чем она успела отступить, поправил ей воротник, как поправлял всегда, сколько она себя помнила. Пальцы у него были сухие и тёплые. Он посмотрел на папку у неё в руках, и на мгновение, очень короткое, его лицо стало пустым, как лист без единой цифры. Потом морщины вернулись на место.

— Старые вычисления, — сказал он. — Ох, Изольда. Ты помнишь, как ты над ними плакала?

— Помню.

— А я помню, как ты в итоге нашла ошибку в моём собственном решении. Мне тогда было стыдно две недели. — Он взял у неё папку, мягко, без усилия, и она позволила, потому что не придумала, как не позволить. — Я достал их неделю назад. Герцог просил прикинуть, во что обойдётся подготовка к Великому приливу. Опять экономит, бедный. Хочет знать, можно ли обойтись без замены фонарей на южном участке.

— И можно? — спросил Маттиас.

— Нельзя, господин дознаватель. Но герцог любит, когда ему это доказывают цифрами, а не словами. — Эшгроув зажал папку под мышкой. — Идёмте наверх. Оба. У меня в кабинете растоплен камин и есть чайник. Изольда будет пить свой ужасный чёрный чай, а вам я налью чего-нибудь, от чего дознаватели становятся добрее.

— Такого не существует, — сказал Маттиас.

— Тогда просто горячего.

Они поднимались по лестнице втроём, и Эшгроув шёл посередине, тяжело опираясь на перила. На повороте он остановился перевести дух и положил ладонь Изольде на плечо. Она чувствовала эту ладонь сквозь платье, сквозь всё, лёгкую и привычную.

Под перчаткой у неё хрустел сложенный вчетверо лист.

* * *

Чай в кабинете канцлера был всё такой же: густой, горький, в тонкой чашке с трещиной у ручки. Изольда пила его маленькими глотками и смотрела на огонь.

Эшгроув говорил о погоде, о герцоге, о том, что Тамсин Вейн, говорят, опять подняла цену на линзы и правильно сделала. Маттиас сидел у окна, держал чашку обеими руками и почти не пил. Изольда видела, что он смотрит не на канцлера, а на его стол. На чернильницу. На пресс-папье в виде морской раковины. На маленькую шкатулку для печатей, закрытую на ключ.

— Вы не верите мне, господин Крейн, — сказал Эшгроув вдруг, тем же лёгким тоном, каким говорил о погоде.

— Я никому не верю, милорд. Это не личное.

— Это очень утомительно, я полагаю.

— Очень, — согласился Маттиас. — Но платят исправно.

Эшгроув повернулся к Изольде.

— Он хороший человек, — сказал он, кивнув в сторону окна, будто Маттиаса там не было. — Неприятный, но хороший. Ты с ним осторожнее, девочка. Хорошие неприятные люди опаснее плохих приятных.

— Я учту, — сказала Изольда.

— Учти. — Он улыбнулся и долил ей чаю, хотя чашка была ещё наполовину полна. — И иди спать. Ты выглядишь так, будто опять считала до утра.

Маттиас проводил её до ворот канцелярии. Они шли молча по мокрому двору, где пахло опавшими листьями и рыбой с нижнего рынка; ветер с моря тащил туман вверх по улицам, и фонари на Стене внизу казались размазанными зелёными пятнами. У ворот Маттиас остановился.

— Что вы взяли из папки? — спросил он.

— Ничего.

— Левая перчатка. У вас под ней бумага. Вы всё время держали эту руку сжатой, даже когда брали чашку. Пили правой, хотя вы левша.

Изольда посмотрела на него. Он смотрел в ответ, спокойно и чуть устало, будто она была очередной строкой в отчёте, которую надо переписать набело.

— Спокойной ночи, господин Крейн, — сказала она.

— Не будет она спокойной, — ответил он и надел шляпу. — Ни у вас, ни у меня. Но спасибо за пожелание.

Дома, в своей башне у Северных ступеней, она развернула лист при свече. Её почерк, ровные колонки. Его вопросы на полях. И внизу, мелко: «Четыре замка».

Она просидела над листом до рассвета. Чай остыл. Ни одной новой мысли так и не пришло, кроме одной, совершенно ненаучной, которую она запретила себе думать. Он долил ей чаю в полную чашку. Он всегда так делал, когда хотел, чтобы она осталась ещё немного.

Глава 2. Подозреваемая

На стене над кроватью Маттиаса Крейна висело сорок три бумажки.

Он снимал комнату над прачечной вдовы Пибб на Мыльном спуске, потому что здесь было дёшево, тепло от котлов и никто не задавал вопросов постояльцу, который приходил в четыре утра и уходил в семь. Хозяйка считала его писарем из налоговой. Он не разубеждал. Писарей из налоговой не любят, но и не боятся, а это удобно.

Бумажки он прикалывал булавками к обоям в мелкий жёлтый цветочек. Каждая была строкой: имя, дата, сумма, место. Квилл, пепел оберегов, три тысячи двести крон. Яд с полынью, порт, шхуна «Удача», шкипер утонул в мае. Наёмники со свадьбы Вейнов, плата вперёд, банк Лоттера в столице. Банк Лоттера, перевод в Хольм, контора Гаррета на Соляной. Контора Гаррета, заявки на пепел для Магистерия Стены, четыре подписи.

От бумажек тянулись нитки. Нитки он взял у вдовы Пибб, она давала их постояльцам бесплатно, чтобы пришивали пуговицы. Нитки были синие, зелёные и одна красная. Красная шла от всех бумажек к одной, приколотой в самом центре, над изголовьем.

На центральной бумажке было написано: «И. Вейн».

Маттиас лежал на кровати в сапогах, закинув руки за голову, и смотрел на эту бумажку уже второй час. Внизу гремели баки, кто-то из девушек пел про рыбака и его неверную жену, пахло щёлоком и горячим крахмалом. Этот запах он знал лучше, чем запах собственной кожи. Он вырос в нём. Его мать сорок лет простояла над такими баками, и руки у неё были красные до локтей, с трещинами на костяшках, которые она мазала гусиным жиром.

Он думал о руках Изольды Вейн.

Он думал о них с той ночи в архиве и злился, потому что думать о них было непрофессионально. Узкие, в серых лайковых перчатках, которые она снимала зубами, когда надо было потрогать бумагу. Он видел это из темноты: она стянула перчатку, взяв её за кончик среднего пальца, и на мгновение лицо у неё стало сосредоточенным и совершенно детским. Как у девочки, которая проверяет, горячая ли печь.

Под перчаткой оказались чернильные пятна на указательном пальце и тонкий белый шрам поперёк ладони. Он запомнил. Он всё запоминал, это была его профессия и его проклятие.

Маттиас сел, взял с подоконника яблоко, обтёр о рукав и откусил.

Улики говорили ясно. Заявки на пепел подписывала она, во всяком случае, две из четырёх. Её почерк был на расчётах в архиве. Она знала Стену лучше всех в Хольме, кроме, может быть, своего наставника. Она была рядом при каждом событии последнего года: при обряде, когда треснул Большой фонарь, при аресте брата, на помолвке Рен Хейл, на свадьбе. Она ни в чём не нуждалась, но люди, которые ни в чём не нуждаются, иногда нуждаются в самых странных вещах.

И она полезла в архив с самодельным ключом.

Против неё было всё, кроме одной мелочи, которая не давала ему покоя целый год. Письмо с цаплей, найденное тогда в бумагах Квилла, было написано стариковской рукой. Маттиас помнил его так, будто держал вчера: буквы ровные, выученные, с хорошим старинным наклоном, но к концу каждой строки чуть дрожащие, как у человека, которому трудно долго держать перо. Изольда Вейн писала быстро и твёрдо, рука у неё не дрожала даже над подписью под заявкой на пепел. Квилл, когда его спросили, чьё это письмо, побелел и замолчал, и молчал с тех пор так старательно, как молчат только те, кто боится не суда.

Тогда, год назад, Маттиас доказал, что бумаги против Олдрика Вейна подделаны: фальсификатор поставил на опись старые номера фонарей, которые сменили за год до того. Мелочь. Его всегда спасали мелочи. Стекольщица Тамсин доказала остальное, бросив фонарь с чёрной

солью в ледяную морскую воду у него на глазах, и он до сих пор помнил, как звонко лопнуло стекло.

Улики говорили ясно, а Маттиас за двенадцать лет службы выучил одно: когда улики говорят слишком ясно, их кто-то научил.

* * *

Башня Изольды стояла у Северных ступеней, над самой Стеной, узкая, в четыре этажа, с медным флюгером в виде рыбы. Раньше здесь жил смотритель северного участка. Теперь жила маг Стены, её книги, её приборы и, судя по запаху из окна, её чай.

Маттиас постучал в половине одиннадцатого утра. Открыла она сама, в домашнем сером платье, с пером за ухом. Посмотрела на него, на яблоко в его руке, снова на него.

— Это допрос? — спросила она.

— Это визит вежливости.

— Вы не умеете быть вежливым.

— Я очень вежлив. Я постучал, хотя мог бы прийти с ордером. — Он улыбнулся одними губами. — Позволите войти, леди Вейн, или будем беседовать на лестнице, где нас слышит половина Северных ступеней?

Она отступила. Он вошёл.

Первый этаж был заставлен книгами так плотно, что он задел плечом стопку на полу и она медленно, с достоинством сползла набок. Изольда поморщилась. На столе у окна лежали карты Стены, расчерченные красными и чёрными линиями, циркуль, линейки, тарелка с недоеденным хлебом и масляная лампа из соляного стекла, бледно-зелёная, с пузырьками.

— Хорошая лампа, — сказал Маттиас.

— Подарок. — Она убрала карты в ящик, не слишком торопясь, но и не медля. — Чаю?

— Если с сахаром.

— Сахара нет.

— Тогда воды.

Она налила себе чай из пузатого чайника, чёрный, как дёготь, и села напротив. Маттиас положил яблоко на стол, достал из кармана записную книжку в клеёнчатой обложке и карандаш.

— Заявки на пепел оберегов для Магистерия, — сказал он. — Март и июнь этого года. Ваша подпись.

— Моя.

— Вы помните, сколько пепла заказали?

— Сорок фунтов в марте. Тридцать в июне.

— В конторе Гаррета записано девяносто и сто десять.

Изольда поставила чашку. Медленно, точно, чтобы донышко легло ровно в круглый след на скатерти.

— Это невозможно.

— Я видел книги.

— Значит, книги подделаны. Или подделаны заявки. Я подписывала сорок и тридцать, я помню цифры, я всегда помню цифры.

— Кто передавал ваши заявки в контору?

— Секретарь Магистерия. — Она нахмурилась. — Нет. Мартовскую я отдала канцлеру, он ехал в город и предложил завезти.

Маттиас записал. Не поднимая головы, он сказал:

— А июньскую?

— Тоже ему.

Он поднял глаза. Она смотрела в окно, на Стену, на зелёные огоньки фонарей, бледные при дневном свете. Руки её лежали на столе, одна на другой, и он увидел, что верхняя рука,

правая, мелко дрожит. Совсем чуть-чуть, как дрожит струна после того, как по ней перестали играть.

— Леди Вейн.

— Он завозил бумаги в город сотни раз, — сказала она быстро. — Я его ученица восемнадцать лет. Он учил меня держать перо. Если вы думаете…

— Я ещё ничего не думаю.

— Вы думаете. Вы всегда думаете. У вас лицо человека, который думает, даже когда он спит.

— Вы видели, как я сплю?

Она повернулась к нему, и он с удовольствием заметил, что щёки у неё порозовели. Ненадолго. Изольда Вейн умела брать себя в руки так же быстро, как другие люди моргают.

— Я хочу сказать, — произнесла она ровно, — что лорд Эшгроув не стал бы подделывать цифры в заявке, которую сам же завёз. Это глупо. Он не глупец.

— Согласен. Он не глупец. — Маттиас откусил яблоко и прожевал, глядя на неё. — А вот вы, леди Вейн, полезли в его архив ночью. Вы не глупы тоже. Значит, у вас были причины.

Она молчала. Её правая рука продолжала дрожать, и она, заметив, куда он смотрит, убрала её под стол.

Он мог бы надавить. Он знал, как это делается: пауза, вопрос, ещё пауза, вопрос сбоку, вопрос о мелочи, которую человек забыл соврать одинаково два раза. Он делал это с убийцами, с контрабандистами, с баронами и с одной очень злобной настоятельницей монастыря. Он мог бы через час вытащить из Изольды Вейн всё, что она знала, и всё, чего боялась.

Он закрыл записную книжку.

— Я приду ещё, — сказал он.

— Не сомневаюсь.

— Ваша лампа. — Он кивнул на неё, вставая. — Кто подарил?

— Лорд Эшгроув. На день рождения. — Она сказала это с вызовом и тут же, кажется, пожалела о вызове. — Это ничего не значит.

— Конечно.

На лестнице он остановился и долго стоял, глядя на мокрые ступени, ведущие к Стене. Он злился. Не на неё. На себя: он хотел, чтобы она оказалась невиновной, и это желание было таким сильным и таким личным, что от него сводило скулы. Он не помнил, когда в последний раз хотел чего-то для подозреваемой. Наверное, никогда.

* * *

Олдрик Вейн нашёл его вечером в портовой таверне «Гнилой якорь», где подавали пиво, которое пахло так же, как называлось.

Лорд-страж сел напротив, не спрашивая разрешения. Он был в рабочей куртке, с рассечённой бровью, явно с обхода Стены, и пальцы его левой руки, когда-то белые от горячки, теперь были обычными, загрубевшими, с землёй под ногтями.

— Ты ходил к моей сестре, — сказал Олдрик.

— Добрый вечер, милорд. Пиво здесь не рекомендую.

— Крейн.

— Ходил. — Маттиас отодвинул кружку. — Она подписывала заявки на пепел. Цифры в книгах не сходятся с цифрами, которые она помнит. Её почерк в архиве канцлера. Я обязан спросить.

— Ты спросил.

— Я спросил. Она ответила. Не на всё.

Олдрик молчал так долго, что за соседним столом успели проиграть в кости и подраться. Потом он сказал:

— Она не врёт. Она не умеет. Когда ей было девять, она разбила отцовские часы и пошла к нему признаваться с осколками в руках. Он даже ругаться не стал, так она была серьёзна.

— Людям свойственно меняться.

— Не ей. — Олдрик помолчал. — Это я однажды соврал. Себе. Герцог попросил отложить ремонт южного участка, денег не было, и я согласился, потому что так было проще. Через месяц там был прорыв, и Брам остался под камнем. Изольда тогда единственная сказала мне в лицо, что это моя вина. Не утешала. Сказала, и всё. Она не умеет иначе.

Он посмотрел на Маттиаса в упор. Глаза у него были серые, как у сестры, только теплее. — Тамсин говорит, ты хороший человек. Я сказал, что хорошие люди не грызут яблоки на допросах. Она сказала, что ты грызёшь их от нервов. Это правда?

Маттиас не ответил.

— Значит, правда, — сказал Олдрик почти довольно и встал. — Если тронешь Изольду без доказательств, я тебя скину со Стены. Если тронешь с доказательствами, сначала покажешь их мне. Спокойной ночи.

Он ушёл, а Маттиас остался сидеть над пивом и думал, что лорд-страж Предела только что угрожал королевскому дознавателю, и что, пожалуй, он был бы разочарован, если бы тот не угрожал.

* * *

Он не собирался следить за ней этой ночью. Он говорил себе это, пока шёл по Северным ступеням в половине первого, пока устраивался в нише старого склада напротив её башни, пока поднимал воротник от ветра. Он просто проверял. Проверять было его работой.

В её окне на третьем этаже горел зелёный свет. Лампа из соляного стекла, та самая. Изольда ходила мимо окна туда и обратно, с книгой в руке, и он видел её профиль, тонкий нос, прядь, выбившуюся из узла. Один раз она остановилась и долго смотрела вниз, на Стену, прижавшись лбом к стеклу. Он невольно отступил глубже в нишу, хотя знал, что снаружи темно и она его не видит.

Около двух часов с моря пришёл холодный туман, густой и мокрый. Маттиас продрог, съел последнее яблоко, подумал о кровати над прачечной и о сорока трёх бумажках. Свет в окне стал тусклее: она, видимо, прикрутила фитиль.

Потом лампа вспыхнула.

Он увидел это раньше, чем услышал. Зелёный свет стал белым, ослепительно белым, на долю мгновения залил всё окно, а потом окно вылетело наружу облаком стекла, и грохот ударил его в грудь, как кулак.

Маттиас уже бежал.

Дверь была заперта. Он ударил в неё плечом, раз, другой, и на третий старый замок поддался вместе с куском косяка. Внутри пахло горелой бумагой и чем-то едким, кислым, от чего сразу заслезились глаза. Сверху валил дым. Лестница была узкая, винтовая, и он взлетел по ней, держась за стену, задыхаясь, считая ступени, потому что в дыму считать было единственным, что оставалось.

На третьем этаже горели книги. Горели шторы. Горел стол, и на столе, среди осколков, лежало то, что осталось от лампы: оплавленное донце с чёрными прожилками, похожими на трещины в льду.

Изольда лежала на полу у окна. Лицо в крови, платье на плече тлело.

Он не помнил потом, как поднял её. Помнил только, что она была очень лёгкой и что сбил ладонью огонь с её плеча и не почувствовал боли. Помнил, как она закашлялась у него на руках и вцепилась пальцами в его воротник, и пальцы были без перчаток, голые, холодные. Помнил, что на лестнице на них упала горящая полка, и он закрыл её собой и получил по спине углом, и ругался всю дорогу вниз так, как не ругался с детства.

На улице он опустил её на мостовую. Вокруг уже собирались люди, кто-то бежал с ведром, кто-то кричал про пожарную команду. Изольда кашляла, хватая ртом мокрый туман, и смотрела на него снизу так, будто видела впервые.

— Вы, — сказала она хрипло. — Вы следили за мной.

— Да.

— Это возмутительно.

— Да. — Он сел рядом на мокрый камень, потому что ноги вдруг перестали его держать. — Вы живы. Можете подать жалобу.

Изольда повернула голову и посмотрела на свою башню. Из окна третьего этажа рвался огонь, и на фоне огня медленно вращался медный флюгер в виде рыбы.

— Лампа, — сказала она. — Это была лампа. В ней была чёрная соль. Я видела прожилки, когда она начала светиться белым, я успела увидеть.

Маттиас ничего не сказал.

Он смотрел на свою ладонь. Кожа на ней вздулась пузырями, и только сейчас боль пришла, тупая и горячая, как утюг вдовы Пибб. Изольда проследила за его взглядом. Она протянула руку и очень осторожно, кончиками пальцев, взяла его за запястье, повернула ладонь к свету горящей башни.

— Вы обожглись, — сказала она.

— Вы тоже.

— Это моё плечо. Это не считается.

Она не отпускала его запястье, и он не отнимал руку. Где-то далеко звонил колокол пожарной части. Над ними, в тумане, горели зелёные фонари Стены, ровно и спокойно, как ни в чём не бывало.

Глава 3. Подстава

— Не дёргайся, — сказала Тамсин. — Я двенадцать лет вынимаю стекло из собственных пальцев, из твоего плеча как-нибудь выну.

— Я не дёргаюсь. Я анализирую боль.

— Анализируй молча.

Изольда сидела на кухне Соляной башни, на табурете у печи, спиной к невестке, и смотрела в стену. Стена была белёная, с потёком у потолка в форме Северного полуострова. Тамсин орудовала пинцетом у неё на плече, и каждый раз, когда из кожи выходил очередной осколок, раздавался тонкий звон о край миски.

— Хорошее стекло, — сказала Тамсин неожиданно мягко. — Было. Варил кто-то с руками. Пузырёк ровный, цвет правильный. Если бы не чёрная соль, сто лет бы светила.

— Ты можешь сказать, кто варил?

— Могу сказать, кто не варил. Не я. Не старый Боллен с Литейной, у него зелень в желтизну уходит. — Тамсин звякнула ещё одним осколком. — Не из Хольма, наверное. Или из Хольма, но не из цеха. Частная печь.

У плиты матушка Гедда мешала суп с таким видом, словно суп лично её оскорбил. Суп был рыбный, с укропом, и пах так, что Изольда, не евшая со вчерашнего утра, чувствовала, как сводит желудок. Время от времени Гедда оборачивалась, смотрела на плечо Изольды, качала головой и снова принималась мешать.

Маттиас сидел у окна, положив забинтованную руку на подоконник, и ел яблоко левой. Повязку ему сделала тоже Тамсин, ещё ночью, и сказала, что ожог хороший, честный, второй степени, и что через две недели он сможет снова держать перо, а через месяц снова кого-нибудь допрашивать с полным удовольствием. Маттиас поблагодарил её с таким серьёзным лицом, что Тамсин фыркнула.

— Готово, — сказала Тамсин и смазала плечо чем-то, что пахло дёгтем и мятой. — Повязку не мочить, не спать на этом боку, не лазить в чужие архивы.

— Откуда ты знаешь про архив?

— Мне сказал твой брат. Ему сказал Маттиас. — Тамсин кивнула на окно. — Они вчера в «Гнилом якоре» мило поговорили. Олдрик вернулся довольный, как кот.

— Я не говорил ему про архив, — возразил Маттиас.

— Ты сказал, что у тебя есть вопросы к её почерку. Олдрик не дурак.

Изольда натянула платье на плечо. Ткань задела рану, и она стиснула зубы. Она не хотела смотреть на Маттиаса, но посмотрела. Он смотрел в окно. Под глазами у него были тени, на скуле ссадина, а в волосах до сих пор застряла какая-то серая сажа. Он вынес её из огня и потом до рассвета сидел на мостовой у пожарища, пока не догорела крыша, и что-то записывал в свою клеёнчатую книжку обожжённой рукой.

Она так и не поблагодарила его. Это было неправильно, и она знала, что это неправильно, и всё равно не могла выдавить из себя слова. Благодарить человека, который подозревает тебя в измене, оказалось сложнее, чем решить задачу о большой воде.

Гедда поставила перед ней миску супа.

— Ешь, — сказала она. — Потом будешь умная. Сначала ешь.

* * *

Эшгроув пришёл к полудню.

Он поднялся в малую гостиную, где Изольду уложили на диван под пледом, и сел рядом, и взял её за руку. Руки у него дрожали. Она никогда не видела, чтобы у него дрожали руки.

— Девочка, — сказал он. — Девочка моя. Мне сказали утром. Я думал, у меня остановится сердце.

От него пахло его кабинетом: трубочным табаком, старой бумагой, мятными пастилками, которые он сосал от изжоги. Этот запах был для Изольды запахом всего хорошего, что случилось с ней после двенадцати лет. Первые книги. Первый оберег, который она сплела сама, кривой и слабый, а он сказал, что это лучший первый оберег, который он видел. Первый раз, когда она поднялась на Стену ночью и услышала, как поют фонари, и испугалась, и он держал её за плечо.

— Лампа, — сказала она. — В ней была чёрная соль.

— Я знаю. Олдрик сказал. — Он погладил её по руке. — Это моя вина. Я купил её у торговца на Стекольной, он клялся, что это работа старого мастера. Я не проверил. Я старый дурак, который хотел сделать ученице подарок покрасивее.

— Как звали торговца?

Эшгроув моргнул.

— Не помню. Какой-то приезжий. Изольда, ты не о том думаешь. Ты чуть не погибла.

— Я жива. Значит, можно думать о торговце.

Он рассмеялся сквозь слёзы, по-настоящему, и вытер глаза платком.

— Вся в отца, — сказал он. — Он тоже, когда падал с лошади, первым делом спрашивал, кто её подковывал.

Изольда смотрела на него и чувствовала себя так, будто стоит на Стене в шторм и не видит, где кончается камень. Она любила этого человека. Она любила его так, как любят не выбор, а данность: как любят дом, в котором выросли, со всеми его скрипучими ступенями. И она лежала под пледом, с перевязанным плечом, и считала. Лампу подарил он. Заявки на пепел отвозил он. Расчёты о большой воде хранил он, с его вопросами на полях. Лист с цаплей пропал из его архива.

Четыре совпадения. Пять, если считать сургуч на манжете.

Пять совпадений — это ещё не доказательство. Она знала это. Он сам её этому учил.

— Завтра совет, — сказал Эшгроув, поднимаясь. — Герцог хочет, чтобы я доложил о пожаре. Ты не приходи, отдыхай. Я всё расскажу сам.

Он поцеловал её в лоб, сухими губами, как целовал на ночь в детстве, когда она ещё жила в его доме после смерти отца. И ушёл, опираясь на трость, тяжело и медленно.

Изольда лежала и смотрела в потолок. Потом встала, нашла свои туфли и пошла искать Маттиаса.

* * *

На совет она пришла, конечно. Олдрик пытался её не пустить, Тамсин сказала Олдрику, что он идиот, если думает, что Изольду можно не пустить, и в конце концов они пошли все вместе: лорд-страж, его жена, его сестра с перевязанным плечом и королевский дознаватель с перевязанной рукой. Гедда проводила их до ворот и сказала, что они похожи на остатки разбитого полка.

Зал советов в герцогском замке был холодный, высокий, с гербами на стенах и сквозняком, который не могли победить три поколения герцогов. Леопольд сидел во главе стола, закутанный в меховую накидку, и вид у него был такой, будто он хочет оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Справа от него сидел Эшгроув. Перед канцлером на столе стояла железная шкатулка, закопчённая, с оплавленным углом.

Изольда узнала её сразу. Шкатулка стояла у неё в спальне на комоде последние шесть лет. Эшгроув подарил её, когда Изольда стала старшим магом: огнестойкая, для важных бумаг, с хитрым замком из столицы. Два ключа. Один он отдал ей, а второй, улыбнувшись, оставил себе, «на случай, если ты потеряешь, а ты потеряешь, ты всё теряешь, кроме цифр».

Она его ни разу не потеряла.

— Ваша светлость, — начал Эшгроув, и голос у него был усталый и печальный. — Мне тяжело говорить то, что я скажу. Я прошу совет помнить, что я говорю это с болью.

Он открыл шкатулку. Изольда видела, как он вставил ключ. Свой ключ.

Внутри лежали письма. Пачка, перевязанная той самой белой бечёвкой. Эшгроув развязал её, развернул верхний лист и положил на стол так, чтобы все видели. На листе стояла печать: цапля на одной ноге. Целая, не половина.

— Это найдено сегодня утром на пепелище башни у Северных ступеней, — сказал канцлер. — Шкатулка уцелела в огне. В ней письма, адресованные леди Изольде Вейн, и ответы на них, написанные её рукой. Письма касаются закупок чёрной соли, пепла оберегов и состояния фонарей на Вдовьем выступе. — Он помолчал. — Также здесь вексель банка Лоттера на имя Маттиаса Крейна, королевского дознавателя, на сумму в шесть тысяч крон. Выплачен в мае. Как раз тогда, когда следствие по делу о покушении на посла приливных вдруг свернуло на секретаря его светлости.

В зале стало очень тихо. Один из советников, толстый старик из казначейства, медленно повернулся и посмотрел на Маттиаса так, будто тот был мокрой собакой, забравшейся на ковёр.

— Это подделка, — сказала Изольда. Голос у неё прозвучал странно, тонко, и она заставила его стать ниже. — Я никогда не писала этих писем.

— Это твой почерк, Изольда, — сказал Эшгроув мягко. — Я учил тебя писать. Я узнаю твою руку где угодно.

— Именно, — сказала она. — Вы меня учили. Вы её знаете лучше всех.

Эшгроув посмотрел на неё. В его глазах было столько горя, что двое советников отвели взгляд.

— Я понимаю, — сказал он тихо. — Тебе страшно. Тебя запутали. Этот человек, — он не повернул головы к Маттиасу, — появился в Хольме год назад, и с тех пор вокруг тебя только огонь и кровь. Пожар в твоей башне, девочка, устроили, чтобы уничтожить эти бумаги. Вы не знали, что шкатулка выдержит огонь.

— Шкатулку подарили мне вы.

— Да. — Он кивнул. — И я благодарю небо за это.

Маттиас поднялся. Он сделал это не спеша, отодвинув стул, и, когда заговорил, голос его был тем же, что в архиве: ровным и вежливым, как у приказчика.

— Ваша светлость, вексель банка Лоттера на шесть тысяч крон. Я хотел бы посмотреть на подпись кассира. В мае в банке Лоттера сменился старший кассир, прежний умер от удара двадцатого апреля. Если вексель подписан прежним…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.